

было ещё более тяжким, тем не менее за ним последовали Великие реформы и расширение границ империи. Возможно, различие ситуаций состояло в том, что наряду с высоким профессионализмом российских дипломатов, по мнению автора, даже превосходивших своих коллег в европейских странах (с. 567), сам МИД нуждался в серьёзной внутренней реформе, поскольку его устройство очевидно не соответствовало требованиям усложняющихся международных отношений XX в. Наверное, следует даже говорить о кризисе дипломатического ведомства, который так и не удалось преодолеть до 1917 г.

В целом же нельзя не признать, что эта книга написана не зря. По широте своей проблематики и источниковой базы, обилию архивных документов, значительная часть которых впервые вводится в оборот, наконец, по аргументированности оценок она занимает видное место среди современных исследований. Такие обобщающие работы по внешней политике России должны появляться каждые 15–20 лет, чтобы проводить ревизию состояния отечественной историографии и выявлять нерешённые проблемы. Несомненно, многие из них после ознакомления с монографией И.С. Рыбачёнок становятся яснее.

Антон Лошаков: Даже способный министр бывает бессилён

Как совершенно справедливо отмечает И.С. Рыбачёнок, на рубеже XIX–XX вв., несмотря на возросшую роль экономических и военных факторов, дипломатическое искусство сохранило своё значение, а роль личности в сфере дипломатии оставалась весьма важной, так как успех во многом зависел от умения находить оригинальные решения сложных задач и достигать компромисса (с. 7). Не случайно одной из центральных фигур в её новой монографии является гр. В.Н. Ламздорф, занимавший в 1900–1906 гг. пост министра иностранных дел. В отечественной историографии гр. Ламздорф явно недооценён. Б.А. Романов видел в нём лишь заурядного бюрократа с «полным отсутствием вкуса к инициативе»¹⁸, Е.Ю. Сергеев называет его «ведущим дипломатическим экспертом»¹⁹. Между тем И.С. Рыбачёнок убедительно показывает, что гр. Ламздорф был не только первоклассным экспертом в международных делах, но и эффективным практиком – посредником, организатором и участником переговорного процесса²⁰.

Все, кто лично знал В.Н. Ламздорфа, отмечали его незаурядный ум и феноменальную память. Историки часто цитируют слова С.Ю. Витте, назвавшего Ламздорфа «ходячим архивом» МИД²¹. Опубликованные дневники графа (тогда ещё только советника министра) не позволяют усомниться в верности этой оценки²². Граф Ламздорф был чрезвычайно осторожным дипломатом и политиком, избиравшим максимально взвешенный подход при принятии любого решения. Поддерживая расширение и укрепление влияния России по всему миру, он

¹⁸ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907). М.; Л., 1947. С. 97.

¹⁹ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 204.

²⁰ Ирина Сергеевна не в первый раз освещает дипломатическую деятельность гр. Ламздорфа. Ранее она детально описала его решающий вклад в умиротворение Македонии и всего Балканского региона (*Рыбачёнок И.С. Последний бастион*. В.Н. Ламздорф и Мюршштегское соглашение // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 282–299).

²¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 2010. С. 482.

²² Ламздорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.; Л., 1926; *он же*. Дневник 1891–1892. М.; Л., 1934; *он же*. Дневник 1894–1896. М., 1991.

считал возможным использовать для этого исключительно мирные средства. Об этом свидетельствует и подробно проанализированная в монографии И.С. Рыбачёнок «Записка МИД об ограждении первостепенных интересов России на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, составленная в связи с Англо-бурской войной», подготовленная гр. Ламздорфом в начале 1900 г. (с. 43–45). Считая, что России следует закрепиться на Босфоре и видя в Великобритании главного врага, граф всё равно находил возможным и необходимым договариваться с англичанами (с. 51). Ламздорф стремился к консенсусу даже тогда, когда это ему самому казалось невозможным, как, например, в русско-австрийском соперничестве на Балканах, где он признавал наилучшим вариантом сохранение status quo по принципу «дурной мир лучше доброй ссоры» (с. 21). Другим важнейшим приёмом его политики было маневрирование между основными европейскими политическими центрами – Лондоном, Парижем и Берлином. Ламздорф шутил по этому поводу, что он сидит на двух стульях и это безопаснее, чем сидеть на одном. Своим сотрудникам он говорил, что, пока он будет министром, не сделает по направлению к Потсдаму ни шагом больше, чем в сторону Букингемского дворца (с. 126–127). Не желая портить отношения с Германией, он вплоть до своей отставки противился углублению русско-французского союза (с. 127). Однако вскоре после подписания Бьёркского соглашения гр. Ламздорф, явно опасавшийся Германии и предпочитавший ей Францию, приложил все свои силы к тому, чтобы вернуть императора к союзу с республикой. Этим Россия однозначно продемонстрировала свои внешнеполитические предпочтения, и, как заключает И.С. Рыбачёнок, русско-французско-английский союз стал для России безальтернативным.

Скептические и даже уничижительные отзывы современников и историков о гр. Ламздорфе объясняются преимущественно особенностями его характера. Он был чрезвычайно вежливым и тактичным человеком²³, никогда не повышавшим голоса. Лишь один раз граф не сдержался и позволил себе говорить со своим собеседником на повышенных тонах: это случилось во время беседы с британским дипломатом вскоре после Гулььского инцидента. Но уже на следующий день Ламздорф горячо извинялся перед англичанином, который, к слову, назвал его «самым вежливым человеком в мире»²⁴. Однако это часто воспринималось окружающими как слабость, о чём в той или иной форме упоминали в своих мемуарах Витте, Извольский и Розен. Ощущая эту «слабость», противники Ламздорфа, особенно А.И. Безобразов, не стеснясь, дискредитировали графа в глазах императора. Между тем скромность, которую также часто отмечали у Ламздорфа, заставляла его держаться несколько поодаль от страстей придворной и великосветской жизни²⁵. Он сравнительно редко привлекал к себе внимание прессы (особенно отечественной) и часто оказывался в тени более харизматичных царедворцев – Витте, Куропаткина, Извольского и др. К тому же Ламздорф был довольно замкнутым человеком. Обладая обширными связями, он так и не стал центром притяжения соратников и единомышленников, никогда вокруг него не образовывалось никакого кружка. В итоге ему не удалось добиться на своём посту того влияния, на которое он

²³ *Bumme С.Ю.* Указ. соч. С. 482; *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 13–15; *Rosen R.* Forty Years of Diplomacy. L., 1922. P. 174–175.

²⁴ *Carter M.* The Three Emperors, Three Cousins, Three Empires and the Road to World War One. L., 2009. P. 295.

²⁵ *Bumme С.Ю.* Указ. соч. С. 531; *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 92; *Rosen R.* Op. cit. P. 174–175.

мог бы рассчитывать, а это в значительной степени способствовало тому, что в закулисной политической борьбе Ламздорф уступил Безобразову и адмиралу Е.А. Алексееву. А когда А.С. Суворин на страницах «Нового времени» безбожно обвинял министра иностранных дел во всех смертных грехах, включая слабоумие и профессиональную некомпетентность, гр. Ламздорф терпел, потому как не мог, а главное, не хотел повлиять на газету, скорее всего, считая это ниже своего достоинства.

К Николаю II гр. Ламздорф неизменно относился с глубоким верноподданническим почтением и неоднократно заявлял, что он как министр обязан беспрекословно выполнять любые распоряжения императора²⁶. Извольский даже характеризовал Ламздорфа как царедворца и карьериста²⁷. Тем не менее граф не раз пытался переубедить царя. Николай II, со своей стороны, относился к гр. Ламздорфу весьма благожелательно, но, очевидно, не во всём доверял ему, предпочитая решать многие вопросы международной политики в обход своего МИД. Так, отношения с родственными монаршими домами и с государствами, в которых они правили (Греция, Дания и, в значительной степени, Германия), рассматривались как дела семейные. При этом, видимо, гр. Ламздорф был не вполне «своим» для Николая II, будучи рекомендован на пост министра Витте, которому император со временем всё меньше доверял. В то же время как специалист Ламздорф был незаменим на своём посту, и царь долго не соглашался на его отставку, хотя и считал, что в некоторых деликатных вопросах (таких, как учреждение наместничества на Дальнем Востоке, встреча в Бьёрке и т.д.) участие министра может только навредить.

Следует согласиться с И.С. Рыбачёнок в том, что единая цельная внешнеполитическая концепция в России отсутствовала, а разномыслие среди лиц, причастных к выработке курса, их соперничество, личные антипатии и нежелание брать на себя ответственность порождали колебания в определении целей и выборе средств для их достижения. Слабая компетентность императора в международных делах существенно ухудшала положение, поскольку именно от него зависело принятие решений. В сложившейся ситуации даже такой способный министр иностранных дел, как гр. Ламздорф, оказывался практически бессилён. Он мог, проявив свои волевые качества, исправлять отдельные ошибки, но не имел возможности изменить неэффективную систему, которая и привела к закату великой державы.

Марина Сорока: До Николая II российская дипломатия всегда умела вовремя остановиться

И объём, и само название книги И.С. Рыбачёнок говорят, что это работа, подводящая итог её многолетнего изучения внешней политики России рубежа XIX–XX вв.²⁸ Небольшая по объёму, но очень нужная книга об отражении политических событий и веяний в карикатуре, была, видимо, заключительным

²⁶ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 1024.

²⁷ Извольский А.П. Указ. соч. С. 94.

²⁸ См.: Рыбачёнок И.С. Последний бастион...; она же. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993; она же. Н.Н. Обручев о геополитических интересах России. «Первая наша забота – статья твёрдо в Европе» // Россия: международное положение и военный потенциал...; она же. Россия и первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005; Коренные интересы...; она же. Коренные интересы России в представлениях её государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М., 2007.